

АМЕРИКА И РОССИЯ: ОТКРЫТИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

“ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ”, ИЛИ КАК АМЕРИКАНЦЫ И РУССКИЕ ОТКРЫВАЛИ ДРУГ ДРУГА, 1867–1881

Норман Э. Сол

(Канзасский ун-т, США)

В конце лета 1867 г. американский туристический пароход “Квэйкер-Сити” вошел в Черное море. Это событие открыло новую страницу в истории русско-американских связей. Но дело не только в том, что приплывшие на судне туристы впервые высадились на русский берег. Весть об этом быстро распространилась благодаря одному из пассажиров, уроженцу Миссури, калифорнийскому репортеру и уже достаточно известному на родине сатирику Марку Твену. Шутливо описанная им встреча туристов в Ливадийском дворце в Ялте с “королем в мишуре” Александром II была организована двумя американцами – консулом в Одессе Тимоти Смитом и секретарем американской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге Иеремией Кэртином. Они были из числа тех немногих американцев, которые бегло говорили по-русски и которым уже доводилось бывать в этих местах¹.

Очевидно, что для того, чтобы эта историческая встреча состоялась, существовали уже некие основания.

Перевод С.Н. Бурина

¹ Twain M. *The Innocents Abroad, or the New Pilgrims' Progress*. Hartford, 1869; Ganzel D. *Mark Twain Abroad: The Cruise of the "Quaker City"*. Chicago; L., 1968. Газеты сообщили об этом визите независимо от знаменитого автора. См., напр.: *The Quaker City in Russian Waters* // *Charleston Daily Courier*. 1867. Sept. 28. Твен возглавил комитет туристов, подготовивший речь, с которой Смит обратился к царю. Смит особо подблагодарил некоторых русских, встречавших в Севастополе, за создание должных условий, подчеркнув, что в этой встрече принял участие не только царь, но и его семья, в том числе брат, великий князь Михаил, князь Николай Долгорукий, барон Эрнст Унгерн-Штернберг, незадолго до этого посетивший США, адмирал Готлиб Глазенап, барон Врангель и генерал Эдуард Тотлебен (см.: *Mark Twain's Notebooks and Journals* / Ed. by F. Anderson. Berkeley; Los Angeles, 1975. Vol. 1: (1855–1873). P. 375–376, 403–411; см также: *Curtin J. Memoirs* / Ed. by J. Schafer. Madison, 1940. P. 135–136). О дамах, находившихся на борту “Квэйкер-Сити”, Кэртин заметил: “Я сожалел, что они были вполне обычными, хорошо выглядевшими женщинами, в то время как в России много говорили о красоте американских женщин”. Официальный отчет о встрече содержит донесение Т. Смита У. Сьюарду от 3 сентября 1867 г. См.: *Despatches from US Consuls, Odessa*. Vol. 4, roll 2, M. 459. Record Group 59, National Archives.

Прежде чем продолжить рассказ, замечу, что все написанное на эту тему Н.Н. Болховитиновым, А.Н. Николюкиным и Г.П. Куропятником, а также американцами Робертом Алленом и Хансом Рождером представляется очень важным, ибо их исследования обеспечили необходимый фундамент для данной статьи². Моя задача – осветить и проанализировать природу контактов американцев с Россией и русских с Америкой в эпоху реформ и реконструкции и дать им предварительную оценку.

Причастность Смита и Кэртина к тому, что произошло в 1867 г. в Ялте, их присутствие там были прямым следствием двух войн – Крымской и Гражданской войны в США. В период Крымской войны США поддерживали Россию, симпатизировали ей, что диктовалось сложившимися к тому времени дружескими отношениями, а также опасениями по поводу растущей мощи Франции и Британии. В 1830 г. в Одессе было аккредитовано американское консульство, что свидетельствовало о заинтересованности Соединенных Штатов в торговле в этом районе, что, впрочем, не достигло желаемого уровня. Симпатии американцев к России выразились, в частности, в том, что несколько молодых американских врачей пошли служить в русскую армию. Одним из них был Тимоти Смит, позднее женившийся на дочери местного купца-англичанина и ставший консулом в Одессе³. И он и его семья активно участвовали в общественной жизни города.

Иеремия Кэртин к моменту драматического визита русских кораблей в США в 1863 г. был юным впечатлительным выпускником Гарвардского колледжа, обладавшим поразительной способностью к языкам. Он воспользовался теми несколькими месяцами долгой “осады” Нью-Йорка русскими и овладел русским совершенно, как удавалось лишь считаным американцам. И вскоре ему представилась возможность воспользоваться знанием языка на практике: он был назначен секретарем американской миссии и главным “ответчиком” на множество тостов, сопровождавших морской визит Густавуса Фокса летом 1866 г. В Америке создалось довольно устойчивое впечатление, что несколькими месяцами позже Россия продала Аляску США почти исключительно из дружеских соображений, и это еще больше усилило привязанность Кэртина к России. Вследствие такой активности о нем были хорошо осведомлены царь и царское окружение, но это же, к сожалению, вызывало к нему неприязнь Кассиуса Клея, эксцентричного “полковника из Кентукки” (в дейст-

² См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990; Николюкин А.Н. Литературные связи России и США. М., 1981; Он же. Взаимосвязи литературы России и США. М., 1987; Он же. Открытие Америки русскими. М., 1986; Куропятник Г.П. Россия и США: Экономические, культурные и дипломатические связи. М., 1981; Allen R. Russia Looks at America: The View to 1917. Wash., 1988; Rogger H. America in the Russian Mind, or Russian Discoveries of America // Pacific Historical Review. Febr. 1978. Vol. 47, N 1. P. 27–51.

³ Официальные донесения Смита из Одессы, подробные, со множеством деталей, входят в число лучших донесений американских консулов из России в XIX в. См.: Despatches from US Consuls, Odessa. Vol. 3–5, rolls 2–3. M 459. RG 59; Diplomatic Post Records, Russia, RG 84, National Archives for 1861–1875.

вительности он был генерал-майором), возглавлявшего американскую миссию. В итоге необходимость ускользнуть от ярости Клея и горячее желание лучше узнать страну привели Кэртина на черноморские берега в 1869 году⁴.

Вскоре у Кэртина, однако, появились конкуренты по части знания России. Один из них, Джордж Кеннан, тем же летом проделал путь через всю страну, стартовав на Камчатке, где он работал в компании “Западного союза сухопутной связи”. Проект компании – связать телеграфом Россию и Америку – провалился уже после того, как по дну Атлантического океана был успешно проложен кабель. Продвигаясь с востока на запад России, Кеннан совершенствовал знание русского языка и собирал материал для книг и статей, сделавших его к исходу века ведущим американским специалистом по России⁵. Однако его соотечественник, выпускник Йельского университета Юджин Скайлер уже успел предъявить права на этот титул, изучив русский язык (также во время визита русской эскадры в 1863 году) и опубликовав первый английский перевод “Отцов и детей” Тургенева. Приблизительно в то же время, когда Марк Твен встречался с царем, Скайлер беседовал со знаменитым русским писателем в Баден-Бадене, направляясь к месту своего нового назначения – в Москву, на пост консула⁶.

⁴ См. многочисленные частные письма, рассеянные по разным собраниям, в особенности: Clay Papers, Lincoln Memorial University, Harrogate, Tennessee, and in the Filson Club, Louisville, Kentucky; The Life of Cassius Marcellus Clay: Memoirs, Writings and Speeches... Cincinnati, 1886. Vol. 1; Memoirs of Jeremiah Curtin. P. 175–180. См. также множество официальных сообщений Клея: Despatches from US Ministers, Russia, RG 59 and Diplomatic Post Records, Russia, RG 84. Раздражительный Клей, не уживавшийся ни с одним из своих секретарей, был тем не менее человеком проницательным и весьма общительным. Несколько преувеличивая, он утверждал: “Я был первым американским посланником, пытавшимся контактировать с широкой публикой” (The Life... P. 420). Большинство преемников Клея, разумеется, будут стараться его превзойти. Клей понимал, что «у тактичного американца, появившегося тогда в России, были преимущества – новизна и индивидуальность. Когда все подчинено непрерывным придворным церемониям, эта, как я бы сказал, “свежесть”, а другой, возможно, сказал бы: “молодо-зелено”, порой бывает приятна» (Ibid. P. 294–295). Вероятно, именно такое восприятие американцев русскими и доброжелательный прием, оказанный им, и стали причиной, побудившей многих из них отправиться в Россию. Преемники Клея – Эндрю Кэртин, Маршэлл Джозэлл, Генри Боукер, Эдвин Стоутон и Джон Фостер, – видимо, входили в число наиболее искушенных и способных представителей США за рубежом в XIX веке; им помогали опытные секретари – Юджин Шайлер, Хоффман Аткинсон и Викэм Хоффман.

⁵ Многотомные труды Кеннана хранятся в разных местах: Manuscript Divisions of New York Public Library; Library of Congress; Duke University; Western Union Telegraph Expedition Papers, Smithsonian Institution Archives. See also: Travis F. George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924. Athens, 1989.

⁶ См.: Куропятник Г.П. Указ. соч. С. 105–106; Parry A. America Learns Russian: A History of the Teaching of the Russian Language in the United States. Syracuse, 1967. P. 37–38; Coleman M. Eugene Schuyler: Diplomat Extraordinary from the United States to Russia, 1867–1876 // Russian Review. Autumn 1947. Vol. 7, N 1. P. 36–38; Gettmann R. Turgenev in England and America. Urbana, 1941. P. 39–40.

Прием американских визитеров не был чем-то новым для Александра II, хотя он, возможно, полагал, что сумеет избавиться от них в своем черноморском убежище. В то лето царь уже принимал видного американского сенатора Джеймса Дулиттла из Висконсина и, разумеется, так или иначе встречался с американцами и раньше⁷. Своеобразный десант героев – ветеранов Гражданской войны, нагрянувший в Россию в те годы, возглавил в 1867 году адмирал Дэвид Фаррагут, а участниками его были Натаниэль Бэнкс (влиятельный конгрессмен), Т. Честер Моррис, видный чернокожий офицер Союза, а также Уильям Франклин – все в 1869 году, Форсайт и Симпсон (1871), Кроуфорд, Рено и Уорден (1875), наконец Аптон (1876)⁸.

Среди них следует особо выделить Уильяма Текумзе Шермана, который “покорил Россию” в 1872 году. По примеру Марка Твена он высадился на юге, но затем продвигался на север через Кавказ. Большинство этих ветеранов, располагавших, видимо, неограниченно свободным временем для путешествий, сопровождали их помощники; например, Шермана сопровождали сообразительный полковник Джозеф Ауденрейд и сын президента Гранта, – во время путешествия он привлекал к себе внимание, за что его окрестили “принцем Фредом”. Царь приветствовал этих визитеров в Москве, а затем в Санкт-Петербурге Шерман навестил канцлера Горчакова и возобновил знакомство с адмиралом Лесовским, который во время Гражданской войны посетил лагерь Шермана в Мемфисе⁹. Как ни странно, эти “набеги” американских военных на Россию мало тогда привлекали внимания в обеих странах – даже визит экс-президента Гранта в 1877 году (во всяком случае в сравнении с поездкой в США великого князя Алексея).

Слухи о том, что великий князь собирается посетить Америку, циркулировали в течение нескольких лет, вначале их связывали с братом царя Константином, командующим русским флотом, затем с Александром, вероятным наследником. В конце концов корабль с третьим сыном Александра II, едва достигшим совершеннолетия, был осенью 1871 года спущен в воды Атлантики, произведя столь же бурный всплеск, как куда большая русская эскадра за восемь лет до этого. Начало визита предвещало мало хорошего: он откладывался из-за штормовой погоды; Америка встретила великого князя проливным дождем; наконец, на все это наложилась дипломатическая суматоха, вызванная взаимными претензия-

⁷ Дулиттл, ставший профессором права Чикагского университета, позднее рассказывал: “У нас была чрезвычайно приятная беседа. Царь оказался весьма достойным, доброжелательным, вежливым джентльменом и говорил по-английски не хуже образованного англичанина или американца” (см. письмо У.Ф. Грэшему от 15 декабря 1893 г. // Doolittle Papers, Manuscript Division, Library of Congress).

⁸ Данные взяты в списке визитеров из США (см.: Despatches from United States Ministers, Russia. RG 59. National Archives for these years).

⁹ Sherman Diary. P. 875. Критические замечания по адресу молодого Гранта и о деталях этого визита см. в письме Дж. Ауденрейда из Севастополя миссис Шерман от 25 апреля 1872 г.: Sherman Papers. Vol 32. Manuscript Division, Library of Congress.

ми, связанными с торговлей российского посланника Константина Катакази, с одной стороны, и государственного секретаря Гамильтона Фиша и президента Гранта – с другой. Возможно, отчасти по этим причинам, а также из-за непритязательной вежливости, терпения и приятной внешности великого князя американцы устремили свои взоры в прошлое и приветствовали российский царский дом вначале в Нью-Йорке, затем в Вашингтоне и Бостоне и, наконец, на долгом пути через Средний Запад, Запад и Юг. По пятам за визитерами следовала стая репортеров, в деталях сообщавших обо всех экскурсиях, увеселениях и тостах в честь русско-американской дружбы, причем не упуская при этом возможности сказать и об ироническом характере описываемых событий¹⁰.

После “побочного” путешествия к Ниагарскому водопаду и в Канаду великий князь созерцал забой свиней на бойнях и практиковался в стрельбе по голубям в опустошенном пожаром Чикаго. Затем Иеремия Кэртин сопровождал его в свой родной город Милуоки, а кульминацией визита стала охота на бизонов в прериях Запада, устроенная генералами Ф. Шериданом и Джорджем Кастером при помощи Уильяма Ф. Коди по прозвищу Буффало Билл и вождя индейцев племени сиу Пятнистого Хвоста примерно в 50 милях к юго-западу от Норс-Платте, штат Небраска. После нескольких неудач Алексею в конце концов удалось подстрелить зверя с помощью лошади “бизоньего Билла”, винтовки и хороших советов¹¹. После этого еще несколько бизонов пали жертвами великого

¹⁰ Среди наиболее интересных из многочисленных репортажей можно назвать сообщение в “Бостон Дейли Адвертайзер” от 12 декабря 1871 года, в котором отмечалось, что во время посещения великим князем Бостона “его национальная антипатия к полякам, вероятно, удержала его от того, чтобы принять активное участие в муниципальной политике”. В пространном репортаже “Нью-Йорк таймс” от 11 декабря 1872 года о банкете в Бостоне, куда была включена до утомительности длинная поэма Оливера Уэнделла Холмса, написанная по этому случаю, говорилось, что Джеймсу Расселлу Лоуэллу удался лучший каламбур вечера. Он сказал по случаю приобретения нами Аляски, что теперь наши отношения с Россией особенно сердечны и интимны, “поскольку император сделал нас хранителями его печатей”. 23 ноября 1872 года “Вашингтон Ивнинг Стар” писала о приеме в честь великого князя в столице: “Будничные приготовления к этому событию в русской миссии, достоинство и самообладание жителей Вашингтона во время визита принца Алексея представляют собой разительный контраст откровенной демонстрации и вульгарной лести, сопровождавшими его краткое пребывание в Нью-Йорке...”

¹¹ Наилучшее современное освещение этой охоты на бизонов было дано, вероятно, в “Чикаго Трибьюн” 19 и 23 января 1872 года. Подстрелив первого бизона, Алексей, по словам Ф. Коди, уселся на зверя и завизжал как индеец, а затем приказал своим адъютантам открыть бутылки с шампанским, по поводу чего “бизоний Билл” заметил: “Я надеялся, что он убьет еще четверых или шестерых бизонов прежде, чем мы доберемся до лагеря, особенно если корзину с шампанским будут открывать каждый раз, когда он свалит очередного” (*Don Russell. The Lives and Legends of Buffalo Bill. Norman, 1960. P. 176–179; см. также: White J. Red Carpet for a Romanoff: 1872 Hunting Party in Honor of the Grand Duke of Russia // American West. Jan. 1972. Vol. 9, N 1. P. 4–10*). Кампанию великого князя, включавшую как минимум еще десять русских, дополняли несколько репортеров, а также немало новоиспеченных генералов, 2-й кавалерийский полк со своим оркестром и 400 индейцев. Рассел писал: “Всего лишь в нескольких подобных случаях армии США удавалось собрать столько медных труб и золотых галунов для встречи выдающегося гостя” (*Don Russell. Op.cit. P. 176*).

князя и других его компаньонов по охоте, продолжив тем самым свой путь к почти полному вымиранию в ближайшие несколько лет.

Столь долгое путешествие требовало немало остановок в пути и бесчисленных рукопожатий с американцами самого разного происхождения. Весьма типичной была сцена в Топике, штат Канзас, где Алексей, возвращаясь с охоты на бизонов, предстал перед объединенной сессией законодательного собрания штата и был принят на грандиозном обеде. Специальные экскурсионные поезда доставили множество зрителей из других городов. Кульминацией визита в Топику стало исполнение толпой серенады в честь великого князя на мотив “Тело Джона Брауна”:

Посреди широких прерий молодой Канзас
С дорогой сестрой-Россией крикнет в этот раз,
Эхо вмиг сердец их крик счастливый донесет до вас:

Царь и Грант – друзья!
Хей! За Россию, за Союз наш!
Хей! За Россию, за Союз наш!
Хей! За Россию, за Союз наш!
Царь и Грант – друзья!¹²

Репортер, наблюдавший эту сцену и описавший ее для местной газеты, рассуждал: “Это еще вопрос – марширует ли душа Джона Брауна вперед или отступает, в особенности после того, как законодательное собрание проголосовало за то, чтобы оплатить по счетам за выпитое на последующем обеде вино”. Алексей, по-видимому, ел хорошо, поскольку тот же репортер не без сарказма замечал: “Заканчивать этот обед никто не торопился. Князь, оказавшийся в долгу у канзасской законодательной власти, не принимал билль об оплате стола до третьего чтения”¹³.

Процессия, сопровождавшая великого князя, проследовала дальше, через Миссури в Сент-Луис, откуда Алексей, следуя за Кастером, без происшествий миновал мамотскую пещеру, а затем спустился по реке к Новому Орлеану, где его уговорили вступить в соревнование с Мэри Грасом, – я, увы, “король” этого карнавала, превзошел великого князя. В Пенсаколе Алексея встретил его морской эскорт, этим и завершился один из наиболее успешных визитов царственных особ в США¹⁴. Ему еще предстояло вернуться сюда в 1877 году с двоюродным братом Константином с менее показательным и более деловым визитом.

Турне великого князя Алексея важно тем, что оно явилось для американцев как бы инсценировкой русско-американской дружбы. В течение трех месяцев все газеты страны сообщали о передвижениях великого

¹² Leavenworth Times. 1872. Jan. 24.

¹³ Ibid. Автором статьи был, возможно, владелец и издатель газеты Д.Р. Энтони, брат лидера движения за трезвенность Сьюзена Б. Энтони.

¹⁴ New Orleans Daily Picayune. 1872. Febr. 13–20. Торжества в честь русско-американского сотрудничества с отъездом князя не прекратились. В следующем пункте его путешествия, Гаване, состоялся обмен грандиозными приемами и обедами между русскими и американскими экипажами военных судов, стоявших в гавани.

князя. Визит, несомненно, возбуждал взаимный интерес стран друг к другу¹⁵. Трудно сказать, действительно ли этот успешный визит увеличил число непосредственных контактов, но он обеспечил тему дальнейших разговоров и ощущение взаимопонимания в последующих встречах. Читая публика России, хотя и не знала обо всех этих песнях, тостах и прочих деталях, в целом, конечно, была осведомлена о приеме американцами великого князя и, едва представлялся случай, стремилась ответить взаимностью. Такое откровенное благодушие в отношении к Америке, возможно, способствовало одобрению и публикации других, более детальных сообщений об американской жизни, что становилось уже постоянной приметой русской периодической печати.

Прочие визитеры из России встречали в США более спокойный и менее сенсационный прием; некоторые из них по сути дела оставались совершенно незамеченными. Так, например, агент по закупке вооружений генерал Александр Горлов, похоже, не искал пути на страницы газет во время своего четырехлетнего пребывания в Вашингтоне и Хартфорде, штат Коннектикут. Не искал внимания и кто-либо из весьма значительного числа других русских военных и морских агентов, хотя их личные контакты с американцами были очень частыми¹⁶. Куда больше внимания общественности привлекли концертные турне хора и ансамбля под управлением Славянского зимой 1869/70 годов и Антона Рубинштейна в 1872–1873 годах.

Дмитрий Агренов-Славянский создал свой хор за несколько лет до этих турне с целью популяризации славянской народной музыки. Прибыв в США без предварительного уведомления, он организовал серию концертов в Нью-Йорке, Бостоне, Хартфорде, Филадельфии и других городах, продвинувшись на запад до Канзас-Сити. На публику произвели должное впечатление костюмы, танцы и пение (последнее в особенности касалось Агренова-Славянского), однако такие оперы, как “Жизнь за царя” и “Аскольдова могила”, американцы сочли довольно тяжеловесными, строгими и лишенными движения. Кроме того, турне было испорчено проблемами, связанными с расписанием и явными просчетами в распределении ролей¹⁷.

¹⁵ Отметим и манюю писания портретов великого князя, из-за которой ему приходилось сидеть в мастерских художников по всей стране; одним из лучших был портрет всей группы, сделанный в Топпе. В Сент-Луисе Алексею был подарен написанный маслом портрет, изображавший его на обеде с Катакази (автор – чернокожий художник Альберт Томас). Газеты “Харперс Уикли” и “Иллюстрийтед Ньюс-пэйпер” Фрэнка Лесли напечатали серию рисунков, сделанных с фотографий, а 9 декабря 1871 года “Харперс Уикли” опубликовала великолепный шарж Томаса Нэста – Колумбия, обнимающая Алексея. Портрет, написанный в Топпе, на котором изображены также Шеридан и Кастер, см.: *Hutton P. Phil Sheridan and His Army. Lincoln, 1985. P. 214.*

¹⁶ Горлов приветствовал Алексея и даже временно заменял Катакази. В те годы, особенно во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в США находились также несколько офицеров русского флота.

¹⁷ Турне хора, как и следовало ожидать, широко освещалось прессой. Так, например, в заметке “Русские певцы”, помещенной 29 января 1870 года в бостонском “Dwight’s Journal of Music”, говорилось: “Они достойны куда большего внимания, нежели то, какое им

Слава об Антоне Рубинштейне как ведущем пианисте классического репертуара опережала его, куда бы он ни приезжал. Залы на протяжении всего этого длительного и изнурительного турне были заполнены до отказа. Оно началось в Нью-Йорке, в Стейнвей-холле, в сентябре 1872 года, вызвав буквально взрыв в прессе, и завершилось там же грандиозным представлением в мае следующего года. Впрочем, и у Рубинштейна хватало хлопот, что чаще всего было связано с буйной и весьма дилетантской американской аудиторией, взрывающейся воплями “браво!” при звуках первого же крещендо; кроме того, на протяжении всех гастролей пианист был в разладе с гастролировавшим вместе с ним польским скрипачом. Рубинштейн не только способствовал широкой популяризации музыкальных достижений России, но и заработал как минимум 60 тыс. долл. – сумму, достаточную для того, чтобы прекратить сольные выступления и посвятить остаток жизни дирижерской и композиторской деятельности, а равно и обучению нового поколения пианистов, среди которых было и несколько американцев¹⁸.

Периодическая печать России в 70-е годы прошлого века была буквально наводнена описаниями походов русских путешественников в США. Среди них был Иван Иванюкин, интересовавшийся американской системой просвещения, он посетил Гарвардский университет и его кембриджский филиал; некий бывший помещик, писавший под псевдонимом А.С. Курбский, который рассказывал в основном о своей жизни в Чикаго; Михаил Владимиров, проделавший путь через всю страну в качестве странствующего чернорабочего; Эдуард Циммерман, которого особенно интересовала сельскохозяйственная политика и отдаленные пограничные поселения; Павел Огородников, детально описавший образованные незадолго до этого русские иммигрантские общины в Нью-Йорке и Сан-Франциско; Николай Славинский, в пространных письмах которого подробно рассказано о различных сторонах жизни американского города; Роберт Орбинский, агент министерства финансов, тщательно изучавший сельское хозяйство; Николай Цакни, сосредоточивший внимание на рабочем движении; наконец, Аделаида Луканина, студент-медик¹⁹.

оказали до сих пор, и если б они могли остаться здесь (по завершении гастролей) и показать себя более широкой публике, их представления, безусловно, шли бы с неизменным аншлагом. Они выступают в живописных национальных костюмах, их внешность и осанка весьма привлекательны. Сам же мистер Славинский (именно так!), их руководитель и дирижер, – человек благородной и внушительной наружности; он обладает одним из мелодичнейших, чистейших и наилучшим образом поставленных теноров, которые нам доводилось слышать со времен Марио...” См. также бостонскую “Коммонвэлт” за 19 и 26 февраля 1870 г. и “Нью-Йорк Геральд” за 30 ноября и 16 декабря 1869 г.

¹⁸ Bowen C.D. *Free Artists: The Story of Anton and Nicholas Rubinstein*. N.Y., 1939. P. 231–248. “Нью-Йорк Таймс” 24 сентября 1872 года посвятила целую колонку обзору первого концерта, на котором звучала музыка Генделя, Моцарта, Бетховена, Шумана и самого Рубинштейна.

¹⁹ См.: Курбский А.С. Русские рабочие у американского плантатора: Рассказы и воспоминания // Вестн. Европы. 1873–1874 (разные выпуски); Владимиров М.М. Русские среди американцев... 1872–1876. СПб., 1877; Иванюков И.И. Из Америки // Отечественные зап.

Торжества по случаю столетия со дня образования США и выставка в Филадельфии привлекли новую группу гостей из России; некоторые из них были непосредственно связаны с экспозицией выставки, другие направлены в США официально, для сбора новых идей. Среди последних был и Дмитрий Менделеев, использовавший эту возможность для изучения нефтяной промышленности Пенсильвании²⁰. Другой русский, Константин Скальковский, совершил более продолжительное путешествие по стране и написал один из тончайших очерков о США. Русская экспозиция на выставке “Столетие США” вызвала весьма благосклонные отклики общественности, а демонстрация методов технического обучения – как минимум в одном случае – оказала прямое влияние на практику американского специального образования²¹.

Еще одну группу молодых и прогрессивно мыслящих русских, вдохновленных тем интересом, который проявляли к Америке Александр Герцен, Николай Чернышевский и Петр Лавров, привлекла эта страна. Владимир Гейнс и его жена нашли в Америке место для социальных экспериментов. Взяв на себя немецкие имена Вильгельма и Марии Фрей (свобода), они посетили общины утопистов в Нью-Йорке и Миссури, а затем основали в 1871 году в прериях Канзаса собственное “Прогрессивное коммунистическое общество”, привлечшее странную смесь американских христианских социалистов и идеалистически настроенных русских народников. В число последних входили Иван и Владимир Добролюбовы (братья знаменитого критика), Григорий Мачтет, Владимир Муромцев, Александр Маликов, Николай Чайковский и еще несколько человек, слишком замаскированных псевдонимами типа Райт или Смолл²². Почти

1868; Циммерман Э.Р. Основы новых штатов в Америке // Там же. 1871. № 12. С. 369–402 (и др. выпуски); Огородников П.И. В стране свободы: В 2 т. 2-е изд. СПб., 1882; Скальковский К. В стране ига и свободы: Путевые впечатления. СПб., 1878; Славинский Н.Е. Письма об Америке // Отечественные зап. 1872 (разные выпуски); Цакни Н.П. Письма об Америке // Слово. 1880 (разные выпуски). Фрагменты из работ Огородникова, Славинского, Курбского, Владимиров и Цакни в переводе на английский см.: Nikoliukin A.N. A Russian Discovery of America.

²⁰ См.: Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе // Соч. М., 1949. Т. 10. С. 20–198; см. также: Leicester H. Mendeleev's Visit to America // Journal of Chemical Education. July 1957. Vol. 34, N 7. P. 331–333. В американской печати публиковалась и важная информация о развитии нефтяной промышленности в России, основанная на сообщениях американских специалистов. См., напр.: Russian Oil Territory // Philadelphia Inquirer. 1878. Apr. 24; Oil in the Old World // New York Times. 1880. Febr. 20; Frank Leslie's Illustrated Newspaper. 1877. March 10. О русских, посетивших Филадельфию в 1876 году, см.: Двойченко-Маркова Е.М. Ученые России на международной выставке в Филадельфии в 1876 г. // Новая и новейшая история. 1975. № 4. С. 151–153; Куропятник Г.П. Указ. соч. С. 170–179.

²¹ См. письмо Дж. Д. Рункла Уильяму Б. Роджерсу от 5 июля 1876 г. // Life and Letters of William Barton Rogers. Boston, 1896. Vol. 2. P. 335; Bennett Ch. History of Manual and Industrial Education, 1870 to 1917. Peoria (Ill.), 1937. P. 47, 321–322.

²² Yarmolinsky A. A Russian's American Dream: A Memoir on William Frey. Lawrence, 1965. В этой книге рассказано о деталях из истории коммуны, сведения о них почерпнуты из: The Frey Papers, Manuscript Division, New York Public Library. Лучший рассказ об общине современника на русском языке см.: Мачтет Г. Община Фрея // Неделя. 1875. № 20.

не замеченная своими канзасскими соседями, эта община тем не менее привлекла внимание других американских общественных групп благодаря собственным публикациям, а также русским, оставшимся на родине²³.

Проявляемое к Америке любопытство и атмосфера дружелюбия, царившая в те годы, способствовали публикации многими из русских, посетивших Америку, пространных описаний в журналах, а затем и в отдельных книгах. Продолжавшаяся эра реформ Александра II предполагала сравнительно мягкую цензуру, но статьи, касающиеся Америки, казалось, было особенно легко публиковать. Весьма малочисленная, как считалось, читающая публика России была таким образом прямо-таки обречена на знакомство с разнообразными содержательными описаниями США, в которых почти ничего не упускалось из виду – ни большие города, ни поселки, ни фермы и плантации, ни политика и экономика, ни иммигранты и аборигены. Эти живописные обзоры, как правило, отличались ясностью и точностью наблюдений, дышали восхищением и симпатией, однако вовсе не были лишены критики американского образа жизни, а равно и американского общества. Основной их недостаток, как и следовало ожидать, – тенденция к чрезмерным обобщениям. Так или иначе, они, вероятно, были столь же добротны (и поныне вполне пригодный источник для ученых), как и прочие иностранные и многие из местных описаний тех лет.

Видимо, достаточно проиллюстрировать это двумя малоизвестными примерами. Григорий Мачтет был молодым украинцем, попавшим в социальный водоворот 60-х годов прошлого века. Он вступил в киевский кружок по изучению социализма, уделявший особое внимание Америке как земле обетованной для социальных экспериментов; члены кружка называли друг друга “американцами”. Скопив достаточно средств, четверо из них в 1871 году отправились в США; после короткой остановки в Нью-Йорке они обосновались, как и семья Гейнсов-Фреев, в прериях Канзаса. Поначалу работали там на владельца зверофермы, возводя ряды изгородей в северо-восточном углу штата, а затем направились в менее населенную западную часть Канзаса. По пути в результате несчастного случая во время охоты один из этой группы русских случайно убил другого. Позднее Мачтет отделился от них, чтобы изучать английский язык в вечерней школе небольшого городка, прежде чем отправиться на юг и вступить в общину Фреев. Обо всем этом он весьма мастерски и подробно рассказал в серии очерков для русской прессы. Мачтету удалось создать яркие характеры жителей пограничных районов Канзаса, описать городские собрания и политические дискуссии. Прекрасно изучив английский язык, он легко освоился и с идиоматическими выражениями, приводя их на языке оригинала²⁴.

²³ The Cedarvale Commune // Nordhoff Ch. The Communistic Societies of the United States: From Personal Visit and Observation... N.Y., 1875. P. 353–356; Bierbower A. Communism in the United States // Lippicott's Magazine. Oct. 1877. N 19. P. 503.

²⁴ О биографии Мачтета см.: Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. Париж, 1894. С. 9–17, а также предисловие к книге Мачтета “Избранное” (М., 1958), написанное Т.Г. Мачтет-Юкевич. Статьи Мачтета об Америке публиковались в различных выпусках

Аделаида Луканина была увлеченной народническими идеями студенткой. Она бежала из России следом за потоком молодежи такого рода, из боязни ужесточившихся репрессий; она изучала медицину в Цюрихе. Не подчинившись в 1873 году приказу вернуться в Россию, она вместе с приятелем-швейцарцем эмигрировала в Америку, где вначале жила в эмигрантском пригороде Филадельфии (Германтауне), затем возобновила обучение медицине – сперва в новоанглийской больнице для женщин и детей в Бостоне, а после этого в Женевском медицинском колледже Пенсильвании (Филадельфии) в течение 1875–1876 годов. Детальный рассказ Луканиной содержит живописные описания больниц и клиник, лекций и преподавателей, студенческой жизни и домов американцев²⁵. Этот, несомненно, важный репортаж из истории американской медицины и женской истории, к сожалению, фактически неизвестен изучающим эти области.

У американских публикаций о России – менее обстоятельных и более сенсационных – была, конечно, не столь узкая аудитория, и, возможно, в целом они оказывали большее влияние, чем российские. Лучшие труды были созданы самыми первыми руссистами, ранее уже упоминавшимися. Однако все эти три автора сосредоточили внимание на периферийных районах: Кеннан – на Сибири, Кэртин – на Кавказе, а Скайлер – на Центральной Азии. Автобиографическая, хотя и явно приукрашенная “Палаточная жизнь в Сибири” Кеннана впервые была опубликована в 1870 году, затем и после неоднократно переиздавалась. Кроме того, с лекциями на эту тему Кеннан объехал едва ли не всю страну²⁶. В равной мере и скайлеровский “Туркестан” угодил пристрастию американцев к “экзотике”, хотя критическое описание Скайлером русского завоевания Центральной Азии не слишком-то приветствовалось российским официозом и сделало его пребывание в России не безопасным²⁷. Кэртин, опубликовав несколько статей о Кавказе, затем удовлетворял проснувшийся у него интерес к народной культуре в других частях света.

“Недели” в 1874–1875 годах, а также в первом томе его “Полного собрания сочинений” (Киев, 1902, 12 т.), в первом томе его десятитомника (СПб., 1911–1912) и в “Избранном”. Некоторые эпизоды его биографии подтверждают местные источники: так, злополучная охота детально описана в заметке “Печальный инцидент”, опубликованной 15 ноября 1872 года в газете “Курьер” городка Сенска (штат Канзас).

²⁵ Луканина А.Н. Год в Америке: из воспоминаний женщины-медика // Вестн. Европы. 1881. Авг. и сент. 1882. Апр. (всего 135 страниц); см. также: *Tuve J. The First Russian Women Physicians*. Newtonville (Mass.), 1984. P. 34–43; *Morantz-Sanchez R.M. Sympathy and Science: Women Physicians in American Medicine*. N.Y.; Oxford, 1985. Луканина не была первой русской женщиной, изучавшей медицину в США. Годом раньше, в 1874 году, Александра Егорова из Новгорода была зачислена в Мичиганский университет. См.: *Philadelphia Enquirer*. 1874. Aug. 21.

²⁶ *Travis F.* Op. cit. P. 38–43.

²⁷ *Schuyler E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja*. N.Y., 1877. Многие из этого уже было включено в официальные донесения и опубликовано в серии “Foreign Relations” в томе за 1874 г. и в многочисленных статьях. О трениях Скайлера с русским правительством см.: “Нью-Йорк Таймс” за 25 марта 1875 г. и его письмо Маршэлли Джэуэлли от 11 марта 1875 г. (*Schuyler Papers, Manuscript Division, Library of Congress*).

Хотя Кеннану пришлось подыскать себе работу в банке, а Скайлера перевели в консульскую службу в Бирмингеме, оба сохраняли острый интерес к России. Скайлер продолжал переводить с русского (наиболее значительный результат этих условий – законченный в 1852 году перевод повести Льва Толстого “Казак”) и завершал труд “Петр Великий”, написанный на основе собранных в России архивных материалов, который можно считать первым американским вкладом в научное изучение русской истории²⁸. Наибольшей популярностью пользовались книги туристов-“профессионалов” – Эдны Проктор, Сэмуэля Прайма, Рафаэля Пампелли и Томаса Нокса²⁹. Последний был еще и репортером “Нью-Йорк геральд”, как и несколькими годами позже им был Джэнуарис Макгэхен, который конкурировал с Скайлером, будучи специалистом по русскому завоеванию Центральной Азии. Он остался в Европе, чтобы описать бурю, сгушавшуюся над Балканами, и стать национальным героем Болгарии³⁰. По существу каждому из этих журналистов было по плечу подготовить фундаментальную хронику русской жизни.

Таким образом, рядовые американцы основную информацию о России черпали из газет и доступных журналов. В те годы произошел своего рода “взрыв объема” этой информации, автор почти каждой статьи претендовал на международное признание независимо от удаленности места публикации. Впереди, разумеется, были ежедневные газеты крупных городов, но их публикации перепечатывались по всей стране, что в XIX веке являлось эквивалентом телеграфа. Прямым источником для авторов была европейская пресса, косвенным – русская, добытый из нее материал передавался американским читателям, украсив порой собственными фантазиями или вопросами. Однако более ценились репортажи с места событий, причем многих авторов можно было узнать только по инициалам или по безличной подписи “наш корреспондент в Санкт-Петербурге”. Авторы некоторых репортажей можно попытаться идентифицировать: “Алекс” – Александр Делмар, “Д.К.” – Джордж Кеннан (?), “Н.С.Д.” – Нортон Додж. А другие так и остались неузнанными: “С”, “Э.С.Б.”, “А.В.Н.”, “Гринвуд” – и это только частично отражает обзор прессы³¹. “Специальным корреспон-

²⁸ Долго признаваемая исторической классикой Запада, эта работа впервые была опубликована серийным выпуском в 1880 году. В том же году “по просьбе читателей” издательством Харпера была переиздана биография Джона Лотропа Моттли (1840 г.). См.: Harper's Weekly. 1880. Jan. 31.

²⁹ Pumpelly R. Across America and Asia: Notes of a Five Years' Journey Around the World. N.Y., 1870; Knox T. Overland through Asia... Hartford, 1870; Proctor E.D. A Russian Journey. Boston, 1872; Prime S. The Alhambra and the Kremlin: The South and the North of Europe. N.Y., 1873.

³⁰ MacGahan J.A. Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva. N.Y., 1874. За свои заслуги Макгэхен был награжден царем орденом Св. Станислава. См.: Philadelphia Inquirer. 1874. Sept. 7.

³¹ Можно привести следующие примеры репортажей с места: публикации в “Нью-Йорк геральд” от 31 мая, 6 и 11 июня, 11 и 29 августа, 3 и 13 сентября, 16 октября 1867 г.; в “Нью-Йорк таймс” от 16 августа 1868 г., 3 и 11 апреля 1869 г.; 27 августа и 11 и 13 октября 1874 г.; в “Вашингтон иннинг стар” от 15 августа 1871 г.; в “Филадельфия инквайер” от 19 апреля 1869 г. и 5 сентября 1872 г.; в “Бостон глоб” от 15 и 28 марта и 3 и 22 апреля 1872 г.

дентом”, приславшим в 1880 году из Ливерпуля для “Нью-Йорк Таймс” весьма тонкий очерк о русском революционном положении “Бремя великой империи”, был, возможно, Юджин Скайлер³². Эта истинная или надуманная анонимность давала репортерам возможность писать о событиях в России и расчетливо, и искренне, и даже с юмором.

Иной взгляд на Россию был представлен в иллюстрированных еженедельниках, публикуемых издательствами Харпера и Фрэнка Лесли и распространяемых по всей стране. Русские сюжеты, казалось, особенно привлекали художников этих издательств, часть которых использовали раздобытые где-то фотографии или просто устные описания, но другие, как, например, “Вудвилл” или “Милле”, писали с натуры. Практически каждый американец, видимо, был знаком не только с изображениями Александра II и, конечно же, великого князя Алексея, но и с разнообразными видами русских городов и сельских пейзажей. Эти журналы с удовольствием печатали иллюстрации батальей русско-турецкой войны, в особенности с русской стороны. Значительная часть этих иллюстраций отнюдь не была легко доступной для самих русских: такие, например, изображения, как собрание нигилистов, допрос студентов-радикалов, детализированный эскиз, показывающий последствия разрушительного взрыва бомбы в Зимнем дворце в 1880 году, после неудачного террористического акта³³. Другие же были вполне доступны, как, например, репродукции офортов В.В. Верещагина и картин И.М. Прянишникова. Кроме того, “Харперс Уикли” нередко публиковал политические карикатуры Томаса Наста, который, видимо, в те годы особенно увлекался русскими сюжетами – например, на опубликованном в 1877 году развороте Александр II был изображен крестоносцем³⁴. В целом же американцам было представлено огромное разнообразие видов России, в то время как русские могли лишь предполагать, на что похожи Америка и американцы.

И хотя газетные репортажи тяготели к сенсационности, преувеличениям и типичным просчетам, их тем не менее отличали непосредственность, оперативность и проницательность. Например, в начале 1872 года “С” сообщал из Одессы для “Бостон Глоб”: “Рядовому американцу Россия должна представляться страной интересной. Здесь нет классической основы, но зато есть определенные преимущества перед увядающими и утомленными королевствами Старого Света. Как и мы, Россия – новая страна, очень напоминающая нашу. И если у кого-то из нас и есть какое-то преимущество, то им обладает Россия, поскольку она нашла свой путь

³² См. сообщения в номерах от 22 августа 1880 г. из Ливерпуля; другие статьи, явно принадлежавшие перу Скайлера, присланные 14, 27 и 28 июня из России и 15, 18 и 19 июля из Лондона, были написаны в России.

³³ См. “Харперс Уикли” за 20 февраля 1875 г., 15 декабря 1877 г. и 3 апреля 1880 г.; “Иллюстрейтед Ньюспэйпер” Фрэнка Лесли за 31 мая 1879 г., 17 января и 20 марта 1880 г. и 22 января 1881 г. Публиковались также портреты и изображения Горчакова, Лорис-Меликова, Веры Засулич, великих князей, генералов и террористов.

³⁴ См. номер за 26 мая 1877 г.

к цивилизации и великоколонию, выйдя из состояния полного варварства, тогда как мы явились миру владея всеми достижениями Старого Света. У нас, конечно, есть множество поводов для соперничества и сравнения, но нигде в России не найти более подходящего сюжета для начала рассказа, чем Одесса”.

Затем этот анонимный репортер сравнивал Одессу с Чикаго, Буффало, Рочестером и Цинциннати. Оценивая публику на представлении “Севильского цирюльника”, он замечал: “Общество выглядело совершенно неотесанным”. Описав визит на образцовую ферму, репортер затем рассказывает о встрече им на одном из приемов “мадам М.”, по его словам, популярной писательнице, неизвестной в Америке: “За обедом она с большим интересом говорила о США, назвав нас образцовой нацией; она выразила надежду, правда без особых ожиданий, когда-нибудь посетить нас”. В библиотеке хозяев дома репортер обнаружил книги Купера, Ирвинга, Бэнкрофта и Прескотта³⁵.

Другой (а возможно, и тот же самый) автор под псевдонимом “Алекс” вскоре писал для “Глоба” из Санкт-Петербурга: “Недавно император заметил хорошо известному и высокопоставленному господину, что особое гостеприимство и доброжелательность американского народа к его сыну тронули его, и благодарность за это ему трудно выразить словами. Подобные слова такого человека, конечно же, стоит запомнить”. “Алекс” также отмечал, что статьи Огородникова, посвященные американской жизни, пользуются в России большой популярностью; в дальнейших репортажах он оценивал англо-русские отношения, студенческие волнения, лихорадку конфликтов, меняющуюся роль дворянства и вероятность дальнейших реформ³⁶.

Подобные сообщения из первых уст были отнюдь не редкими. Некоторые из авторов, возможно, участвовали в более или менее постоянном американском бизнесе или являлись членами дипломатических миссий в России – так что анонимность их оценок и мнений была не лишена смысла. Происхождение некоторых сообщений не так-то легко установить; это касается, например, рассказа чернокожего ветерана войск Союза Т. Морриса Честера о том, как он в конном строю наблюдал вместе с государем за военным парадом, о чем можно было прочесть в “Нью-Йорк Таймс” 11 июня 1872 года, со ссылкой как на источник на новоарлеанскую “Трибюн”³⁷. Другие же публикации разжигали любопытство историков и того больше. Так, “Таймс” интервьюировала нефтяника, вернувшегося из Баку, интересуюсь современным состоянием нефтяной про-

³⁵ См.: Россия (Одесса). 1872. 8 февр.; Бостон Глоб. 1872. 15 марта.

³⁶ См.: Россия (СПб.). 1872. 20 февр. – 3 марта; Бостон Глоб. 1872. 28 марта.

³⁷ *Colored American in Russia* // *New York Times*. 1869. June 11 (со ссылкой на *New Orleans Tribune*). Честера, стремившегося раздобыть оборудование и деньги для негритянских школ в Америке, принимали с большим радушием, отчасти благодаря поддержке Кассиуса Клея. См. письмо Скайлера к Фредерику Сьюарду от 5 ноября 1877 г.: *Schuyler Papers*. Manuscript Division, Library of Congress.

³⁸ *New York Times*. 1880. Febr. 28.

мышленности России³⁸. К сожалению, те авторы, которые как раз и могли бы рассказать больше других, чаще молчали, хотя порой, к огорчению такого автора, какое-то его письмо и могло всплыть в американской прессе. Так, например, “Харперс Уикли” цитировала письмо американского посланника Маршалла Джюэлла к его другу в Рочестере. Джюэлл ссылался на некоего губернатора, сказавшего ему: “У России, я полагаю, есть свой моральный кодекс, которого придерживается население”, Джюэлл продолжал: “С нашей точки зрения, здесь нет морали. Пребывание в Санкт-Петербурге в чем-то мне нравится, но я не хотел бы провести там всю жизнь”³⁹.

Правящие круги и образованные слои населения России продолжали довольно активно читать американскую литературу: как и прежде, были популярны Купер, Ирвинг, Готорн и Стоув, но и Мелвилл, По, Эмерсон и др. Американцы же, напротив, по сути дела впервые знакомились с произведениями русских писателей, в особенности Тургенева, которого часто называли “американцем”, и Толстого; впрочем, круг чтения включал и авторов более раннего периода: Пушкина, Гоголя и Лермонтова⁴⁰. Русская литература фактически стала прихотью, почти навязчивой идеей американской образованной публики тех лет. Литературные образы способствовали формированию как романтических, так и реалистических представлений у читателей обеих стран, приводя, быть может, к упрощенным выводам⁴¹. В течение этого периода литературный и научный обмен между Россией и США значительно расширился, чему особенно способствовали Смитсоновский институт и его секретарь Джозеф Генри.

Разумеется, впечатления многих американцев о России остались неопубликованными, сохранившись лишь в письмах, дневниках, записках и т.д. Некоторые из них были опубликованы позднее, например (в целях развития женского движения 1877–1880 годов) связанные с визитами Мэри Кэшмен и супруги Улиссиз Гранта, а также мемуары Клары Келлог о театральном сезоне 1880/81 годов, когда она была солисткой императорской оперы в Санкт-Петербурге⁴². Из мало используемых архивных собраний того же периода можно упомянуть следующие: днев-

³⁹ Harper's Weekly. 1874. Apr. 25. A “Филадельфия инквайер” 20 апреля 1874 г. выговаривала Джюэллу: “У этого господина из мускатного штата есть явный дар к сочинению писем и посланий, не предназначенных для глаз общественности и тем не менее написанных столь непринужденно и так поднимающих настроение, что адресат уже соблазняется черпать из официальных писем почести такого рода... И все же, если говорить о России, о ее нравах и обычаях, то такие послания не типичны для дипломатов.

⁴⁰ О литературных связях двух стран здесь говорится лишь в общем виде, поскольку об этом достаточно много уже писали другие авторы, например А.Н. Николюкин.

⁴¹ Так, Ван Вик Брукс приводит цитату из письма, написанного в 1880 году Генри Джеймсом Уильяму Дину Хоувеллсу: “Я полагаю, что это слишком провинциальная черта русских – быть чересчур русскими... Известные национальные типы по своей сути и натуре всегда провинциальны” (New England: Indian Summer, 1865–1915. N.Y., 1940. P. 295).

⁴² The Personal Memoirs of Julia Dent Grant / Ed. by J. Simon. N.Y., 1975; Cushman M.A. She Wrote It All Down. N.Y., 1936; Kellogg C.L. Memoirs of an American Prima Donna. N.Y., 1913.

ники и письма жены и племянницы посланника США Эдвина Стоутона; бумаги агента оружейной компании Лоуэлла; материалы, касающиеся деловых контактов в России крупного банкира из Филадельфии; письма губернатора детей торговца оружием Хирама Бердана, делавшего закупки для нью-йоркской компании Тиффани; машиниста парохода, курсировавшего по Амуру⁴³.

Если говорить о количестве, интенсивности и качестве публикаций о России в Америке и об Америке в России, тот период с 1867 по 1881 год стал новым этапом, отличавшимся истинными и довольно активными исследованиями и открытиями. Современным историкам обеих стран предстоит открыть еще многое как бы заново. И еще много вопросов и проблем остается для дальнейших исследований: как и каким именно путем впечатления очевидцев могли быть искажены или получить тенденциозное освещение; существуют ли какие-то еще свидетельства, проливающие свет на развитие взаимопонимания; в какой мере опыт прежних – прямых и косвенных – контактов влиял на последующие поколения; насколько данный период сопоставим с последовавшим, более напряженным периодом в отношениях между двумя странами? В этом смысле было бы полезно составить общий реестр газетных и журнальных статей. Особенно ценной была бы инвентаризация источников, касающихся США и находящихся в российских рукописных собраниях; в равной степени это относится и к инвентаризации американских материалов, необходимых для изучения России, что уже субсидировано институтом Кеннана⁴⁴. Я убежден, во всяком случае надеюсь, что эта статья послужит доказательством того, сколь много еще предстоит сделать в области взаимных открытий и понимания как в давние, так и в нынешние времена.

⁴³ *Mary (Mrs. Edwin Wallace)*. Stoughton Diary, Manuscript Division. New York Public Library; Louise Stoughton Papers, Women's Archives, Radcliffe College, Harvard University; Heard Papers, Baker Library Manuscript Department, Harvard University Business School; Wharton Barker Papers, Manuscript Division, Library of Congress; Hagar Family Correspondence, Wilbur Collection, University of Vermont; Simon Few Papers, Jackson County Historical Society, Independence, Missouri; Henry W. Hiller Papers, Mystic Seaport Whaling Museum Library, Mystic, Connecticut.

⁴⁴ *Grant S., Brown J.* The Russian Empire and the Soviet Union: a Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Wash., 1981.